

За разсылку приложений по 5 р. с тысяч.

За перемѣну адреса городского на иногородній—30 коп.

Статьи и корреспонденции, присланные для помѣщенія въ газетѣ должны быть за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего они печататься не будутъ. Въ случаѣ надобности, редакция исправляетъ и сокращаетъ статьи. Рукописи, признанныя редакціей неудобными къ печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Редакция открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 1—3 час. дня. Контора открыта съ 8 час. утра до 8 час. вечера, по праздничнымъ днямъ—съ 9 час. утра до 1 часу дня.

КУРЬЕРЪ

Политическая, литературная и общественно-экономическая газета.

Годъ изданія третій.

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Адресъ конторы и редакціи: Екатеринодаръ, Красная ул., № 61, Типографія „ОСНОВА“, телефонъ № 482.

Подписка отъ 1-го числа года—8 р., за 6 мѣс.—3 р. 50 к., за 3 мѣс.—2 р., за 1 мѣс.—75 коп.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ допускается распрочека платежа при подп. 2 р. 1 Мар. 2 р. и 1 июня 2 р.

Подписка отъ иногороднихъ принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; подписка отъ городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Объявленія принимаются по тарифу для иногороднихъ впередъ текста за строку пята—30 коп. послѣ текста—по 12 к. за строку.

Для городскихъ: впередъ текста за строку пята—15 коп. послѣ текста по 10 коп. за строку.

Лица, ищущіе труда платятъ за каждое объявленіе впередъ текста съ 8 строкъ по 20 коп. за каждый разъ.

Цѣна отдѣльнаго №—5 к.

Въ чеховской комнатѣ.

Г. Чужой описываетъ въ „Рѣчи“ свою поездку въ санаторію близъ Москвы на открытіе „Чеховской комнаты“.

Въ канунъ Рождества, въ яркосолнечный и очень морозный день, на закутанную сѣномъ платформу ст. Крюково вывалила изъ поезда довольно большая кучка писателей, артистовъ, журналистовъ.

Понюхали около себя съ выдохами, пестрыми свитками, около развѣшенной, кое какъ уѣзавшей. Подготовленные морозомъ лошадики быстро поехали въ санаторію П. А. Вырубова и А. Г. Хрущева.

До санаторіи — версты четыре. Вырубовъ и Хрущевъ устроили свою санаторію изъ громадной дачи, раньше принадлежавшей Рувальшиной, межевскому горьковскому помещику и крупному богачу. Парадные комнаты, отапливаемые дровами, строго красны, даже вывѣданы. Столовая въ два сѣна, обширный залъ, кабинеты. Подъ еловымъ камнемъ, канонизированное Царство. Въ залѣ три большихъ портрета Чехова, убитыхъ по случаю чеховскаго дня, зеленая. Среди приглашенныхъ гостей — племянница Антоны Павловича, О. И. Книшперъ, его сестра и братъ, М. П. и Н. П. Чеховы.

„Чеховская комната“ небольшая, но уютная, обставлена съ изящною скромностью. Надъ письменнымъ столомъ — хороший портретъ Антоны Павловича. На столахъ расставлены стилизованный чайки, смонтированные съ имѣния Художественнаго театра.

Хозяева санаторіи предоставили эту комнату въ бесплатное пользованіе нуждающимся въ отдыхѣ, покое, санаторномъ режимѣ писателямъ и врачамъ: восемь вѣселей въ году — писателямъ, четыре — врачамъ. И общество периферической печати и литературы, которому дозволено распоряженіе комнатой, назвало ее дорогой асией намъ именовъ, потому что Чеховъ былъ и писателемъ, и врачомъ. Нельзя лучше придумать. Тому, кто хотѣлъ бы воспользоваться гостеприимствомъ чеховской комнаты,

надо обратиться къ Николаю Книшперу — президентствующему въ чеховской комитетъ при обществѣ печати (Москва, Б. Дмитровка, Литературно-Художественный кружокъ). Собираемо съ поспѣвающимъ заявленіемъ будутъ устаповлены очереди, назначены сроки и т. д.

На застѣлкахъ подъ чеховскими портретами первыми говорилъ А. И. Сумбатовъ, который былъ очень близокъ съ Чеховымъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Тогда еще не лежала такъ глубоко складка между бровями Чехова, часто расправлялась. И ухмыль онъ былъ беззаботно веселымъ, отдавался добродушному смѣху. И казалось имъ. Сумбатову, тогда настроенному бодро и иррипко, что напрасно вносить Чеховъ въ русскую литературу такую печальную, унылую ноту: нужно бороться, а не хмурить наше общество... А жизнь дѣлалась все болѣе хмурой, великая ложилась на душу тоска. И все глубже знала складка между бровей. Вспоминается имъ Сумбатовъ одинъ вечеръ въ ресторанахъ, напунтъ того, какъ уѣзжалъ Чеховъ на Сахалинъ. Его старались развеселить, разжѣвать. Но плохо это удавалось. Грустный ждалъ Чеховъ на диванѣ, улыбался мило. Точно зналъ, что вотъ придетъ къ намъ одна короткая весна. И опять погаснетъ пыльное солнце, опять опустѣютъ и ступатся осенніе сумерки, станутъ еще тѣнѣе, удушливѣе и безпросвѣтнѣе. Далѣе же Аннибалову клятву, — такъ приблизительно закончилъ свое слово первый говорившій по поводу открытія чеховской комнаты, — клятву сознательной ненависти къ грязи и пошлости. Потому что въ такой ненависти — залогъ нашего спасенія, залогъ новаго и вѣрнаго развитія. И изъ такой ненависти выросло все прекрасное чеховское творчество.

Вл. И. Немировичъ-Данченко говорилъ о Чеховѣ драматургъ. Часто употребляютъ тутъ слово — реформаторъ. Но какъ было бы большою фальшью говорить о Чеховѣ, какъ о какомъ то сознательномъ бойцѣ за какую-то, даже понимаемую, общественную реформу, такъ нельзя смотрѣть на него, какъ на сознательнаго преобразователя драмы. Чеховъ не выѣлъ въ виду такой реформы, хотя и произвелъ ее. Онъ просто любилъ театръ и мечталъ яснѣе для него, какъ мечтасть всякій писатель.

С. С. Голоушевъ говорилъ о Чеховѣ-врачѣ, рассказалъ объ одной съ нимъ встрѣчѣ, когда ѣздили они на похороны юноши самоубійцы и Чеховъ, настроенный особенно мрачно сталъ говорить, что, какъ врачъ, самымъ ясно сознаетъ свое положеніе.

— Во мнѣ сидитъ страшный, непобѣдимый врагъ. Онъ уже съѣлъ меня. Я уже ничто не напишу. Онъ сократилъ мои творческія силы.

И прибавилъ, поднявъ повисше воротники:

— Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

Столо жутко отъ этого воспоминанія. И такую острую болью обдали звуки рэквіема, написаннаго къ открытію „комнаты“ А. А. Измайловымъ. Стихотвореніе, которое деэлампировалось подъ эти звуки вѣлолчелъ и скрипки (г-жа Любошица), — блѣдное и банальное, дѣтская подѣлка, не зная — кому принадлежащая. Но авторъ тоскуетъ въ немъ о Чеховѣ, — и это, благодаря музыкѣ, благодаря обстановкѣ, обжигало болью, давило настроеніе.

Три предѣстныхъ чеховскихъ разсказа — „Шуточка“, „Неосторожность“ и „Шило“ — прочитали г-жа Книшперъ и г-г. Правдинъ и Лебедевъ. По предложенію г. Вырубова, послали въ Москву телеграмму старой, больной матери А. П., Е. Я. Чеховой.

Чеховская комната открыта и ждетъ перваго жильца, чтобы дать ему тихій отдыхъ и теплый уютъ послѣ шума, тревоги и муки города.